

Князь Андрей Михайлович Курбскій родился около 1528 года.. Черезъ родичей своихъ, старыхъ князей смоленскихъ и ярославскихъ, онъ былъ связанъ съ потомствомъ Владиміра Мономаха и, вмѣстѣ съ ними принадлежалъ къ старшему поколѣнію Рюриковичей. Опала друзей Курбскаго, Сильвестра и Адашева, естественно, отразилась и на его судьбѣ. Мы знаемъ уже, что князь Андрей Михайловичъ понесъ пораженіе при Невелѣ. Затѣмъ послѣдовали его неудачныя и даже нѣсколько подозрительныя сношенія со шведами по поводу уступки Гельмента. Конечно, у Курбскаго были особыя причины подумать объ отъѣздѣ изъ предѣловъ московскаго государства. Наконецъ, въ 1564 году онъ рѣшился на такой шагъ. Впрочемъ, какъ и всѣ другіе, онъ увѣрялъ, что поступилъ такъ лишь подъ угрозой неминуемой бѣды. По его словамъ, оставаясь во власти Ивана, онъ рисковалъ своею головою. Польскій король принялъ знатнаго перебѣжчика весьма радушно. Разумѣется, Курбскій заранѣе подготовилъ почву для этого. Такъ или иначе, онъ занялъ въ Польшѣ видное положеніе, вполне соотвѣтственное своему высокому происхожденію. Служа своему новому государю, Курбскій рѣшился даже поднять оружіе противъ своей родины... Въ Польшѣ онъ прожилъ 19 лѣтъ, но, повидимому, не сумѣлъ пріобрѣсти ничьего расположенія. О бѣгствѣ Курбскаго сложилась цѣлая легенда. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ о Василии Шибановѣ, который будто бы привезъ первое письмо князя къ царю Ивану.

Быть можетъ, многіе изъ моихъ читателей знаютъ картину, изображающую Ивана, который принимаетъ этого гонца: царь слушаетъ чтеніе посланія, опершись на посохъ, которымъ онъ пригвоздилъ къ полу ногу Шибанова... Въ Москвѣ существуетъ книгопродавецъ, носящій это имя, прославленное легендой. И теперь еще на своихъ изданіяхъ и циркулярахъ онъ печатаетъ оттискъ съ этой картины. Къ несчастью, она не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ историческихъ фактахъ. Курбскій бѣжалъ въ Польшу безъ Шибанова. Вмѣ-

стѣ съ другими слугами бѣжавшаго вельможи Шибановъ былъ схваченъ и подвергнутъ пыткамъ. На эшафотѣ онъ выказалъ несокрушимую преданность своему князю и геройское мужество. Онъ не только не отрекался отъ своего господина, но открыто выступалъ на его защиту. Повидимому, какъ и отвѣты Ивана, письма Курбскаго доставлялись по назначенію инымъ способомъ. Несомнѣнно, не нашлось бы гонцовъ, которые взялись бы выполнить подобное порученіе. Ясно, что эти посланія являлись какъ бы открытыми письмами: они предназначались гласности и только такимъ путемъ доходили до свѣдѣнія лицъ, которымъ были адресованы. Одно изъ писемъ царя заключается въ себѣ 60 страницъ: конечно, ради одного Курбскаго царь не сталъ бы тратить столько энергіи. Именно, этотъ публичный характеръ переписки Ивана съ Курбскимъ возвышаетъ ее надъ уровнемъ банальности и составляетъ главный ея интересъ, не утраченный и по настоящее время.

Среди безпечныхъ поляковъ, которые дали пріютъ Курбскому, у князя должно было оказаться достаточно досуга. Курбскій воспользовался имъ для того, чтобы написать уже упомянутую мною исторію Ивана. Это сочиненіе представляетъ собою сплошной обвинительный актъ противъ личнаго управленія Ивана IV; съ другой стороны, оно является горячимъ панегирикомъ избранной радѣ со всѣми ея участниками. Курбскій съ опредѣленнымъ расчетомъ дѣлитъ все царствованіе Грознаго на двѣ части. Блестящій періодъ простирается до опалы Сильвестра, Адашева и Курбскаго; послѣ этого начинается пора несчастій, преступленій и безславія. Для своихъ цѣлей Курбскій слишкомъ часто прибѣгаетъ къ помощи фантазіи; какъ мы видѣли, въ перечисленіи злодѣйствъ Ивана можно отмѣтить не мало ошибокъ. Впрочемъ, нѣкоторую часть обвиненій Курбскаго—молчаливо или открыто признаетъ и самъ Иванъ IV; другія обвиненія подтверждаются свидѣтельствомъ постороннихъ документовъ. Курбскій пробовалъ свои матеріальныя силы даже въ области церковной исторіи. Направленіе этихъ попытокъ было нѣсколько неожиданнымъ въ сравненіи съ прошлымъ русскаго вельможи. На родинѣ онъ былъ связанъ узами дружбы не только съ Максимомъ Грекомъ, но и съ тѣмъ самымъ Артеміемъ, который былъ уличенъ въ ереси на соборѣ 1531 года. Когда же Курбскій оказался въ Польшѣ, онъ сталъ тамъ лицомъ къ лицу съ католической пропагандой, угрожавшей его едновѣрцамъ. Это совершенно неожиданно вызвало изъ какихъ-то тай-

никовъ его ума и сердца мрачную тѣнь самаго угрюмага и непримиримаго православія.

Одновременно съ этимъ религіознымъ настроеніемъ въ душѣ Курбскаго заговорилъ голосъ національнаго чувства. Въ своихъ чудесныхъ стихахъ одинъ польскій поэтъ сравниваетъ отчизну со здоровьемъ: ее начинаешь цѣнить только тогда, когда утратишь. Однажды Курбскій отослалъ князю Острожскому славянскій переводъ одной изъ рѣчей св. Іоанна Златоуста. Каково же было его негодованіе, когда этотъ магнатъ, самъ православный, несмотря на свое подданство королю,—задумалъ переводить эту рѣчь на «варварскій» польскій языкъ! Мало того: Курбскій вступилъ въ ожесточенные споры съ литовскими сторонниками Федора Косого и другихъ русскихъ ересіарховъ: между тѣмъ они были когда-то его друзьями. Онъ боролся также и съ іезуитами: онъ называлъ ихъ волками, которыхъ пускаютъ въ овчарню, и не хотѣлъ съ ними примириться даже тогда, когда рвеніе ихъ направлялось уже противъ протестантовъ. Однако, хотя и поздно, онъ самъ сталъ усердно изучать латынь. Зачѣмъ? Очевидно, не для того, чтобы быть заодно съ волками; напротивъ, онъ хотѣлъ быть лучше вооруженнымъ для борьбы съ врагомъ. По его настоянію, одинъ изъ товарищей его по изгнанію, молодой князь Михаилъ Оболенскій, оставилъ жену и дѣтей и уѣхалъ учиться—сначала въ Краковъ, а затѣмъ въ Италію. Этотъ Оболенскій былъ какъ бы предтечей тѣхъ безчисленныхъ русскихъ студентовъ и студентокъ, которые въ настоящее время рвутся въ двери нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. До насъ дошли кое-какіе слѣды этой многообразной дѣятельности Курбскаго. Таковы переводы нѣкоторыхъ отрывковъ изъ твореній св. Іоанна Златоуста и Евсевія, а также предисловіе къ Новому Маргариту.

Однако, раньше написанія всѣхъ этихъ литературныхъ трудовъ, Курбскій вооружился лучшимъ своимъ перомъ, чтобы объясниться съ Иваномъ. Впрочемъ, въ свою защитительную рѣчь онъ внесъ больше риторики, нежели истины, меньше рассудка, нежели страсти. Онъ напоминалъ царю о своихъ заслугахъ и обидахъ. Онъ укорялъ его въ злоупотребленіи властью и во всяческихъ преступныхъ дѣяніяхъ. Онъ обличалъ его порочную жизнь, его недостойныхъ любимцевъ, развратниковъ, какъ Басмановъ, или кровопійцъ, какъ Малюта Скуратовъ. Весьма пространно и съ величайшимъ жаромъ онъ развивалъ эти благодарныя положенія своей защиты. Однако, самый

существенный вопрос оставался гдѣ-то въ сторонѣ. Мы разумѣемъ тѣ глубокія и сложныя причины, которыя вызвали непримиримое несогласіе между государемъ и извѣстной общественной группой, отказывавшейся подчиниться царю.

Разумѣется, это значительно ослабляетъ историческую цѣнность переписки Курбскаго. Однако, надо помнить, что этотъ изгнанникъ осмѣлился вызвать на литературный поединокъ самого царя всея Руси, котораго онъ заставилъ принять этотъ вызовъ. Нельзя забывать, что онъ обобщилъ значеніе постигшей его опалы и питаемыхъ имъ мстительныхъ чувствъ. Въ его изображеніи личный конфликтъ съ царемъ приобрѣлъ смыслъ великой борьбы между прошлымъ и будущимъ, между сторонниками стараго и защитниками новаго порядка, между двумя враждующими линіями рюрикава дома. Одного этого достаточно для признанія за перепиской Курбскаго весьма крупнаго значенія. Этотъ литературный памятникъ знаменуетъ собою цѣлую эпоху русской исторіи. Съ нимъ вмѣстѣ великая сѣверная держава торжественно выступаетъ на поприще новой исторіи.

Конечно, при своемъ санѣ, Иванъ могъ и пренебречь вызовомъ Курбскаго. Казалось бы, непомерная гордость царя должна была бы заставить его принять, именно, такое рѣшеніе. Однако, какъ темпераментъ Ивана, такъ и его стремленія новаго человѣка вовлекли его въ полемику съ Курбскимъ. Благодаря этому, мы не только располагаемъ драгоценнымъ историческимъ документомъ, но и знакомимся съ замѣчательнымъ писателемъ. Конечно, я говорю не о Курбскомъ. Его изложеніе многорѣчиво, несвязно и безцвѣтно. Правда, что Иванъ еще болѣе словоохотливъ; бесспорно, что онъ вноситъ въ споръ не больше ясности, чѣмъ Курбскій, и такъ же мало заботится о томъ, чтобы сосредоточить его въ должныхъ предѣлахъ. Какъ и Курбскій, Иванъ говоритъ о постороннихъ предметахъ, отражая удары своего противника, или нападая на него въ области, казалось бы, второстепенныхъ интересовъ и фактовъ. Правда ли, что онъ погубилъ такого-то боярина въ церкви или тюрьмѣ? Замышлялъ ли онъ противъ жизни Курбскаго, или нѣтъ? Конечно, все это, сравнительно, не важно. И, однако, царь не разстается съ подобными вопросами. Но при этомъ, по крайней мѣрѣ, онъ вноситъ въ свою полемику нѣчто такое, чего не достаетъ его противнику. Разумѣется, я не говорю о стилѣ. Если у Курбскаго стиль плохъ, то у Ивана онъ совершенно отсутствуетъ. Нѣтъ, я имѣю въ виду вдохновеніе, пылъ, силу; я разумѣю

слова и замѣчанія, которыя быють прямо въ цѣль, какъ стрѣла... «За-чѣмъ ты за тѣло продалъ дѣшу? Побоялся смерти по ложному слову своихъ друзей?..» Прибавьте къ этому самую разнообразную эрудицію, которая наполняетъ переписку; въ особенности охотно Иванъ прибѣгаетъ къ библейской экзегезѣ. Читая эту переписку, чувствуешь себя между учеными людьми. Доказывая, что государь долженъ слушать своихъ совѣтниковъ, Курбскій ссылается на Священное писаніе: а развѣ онъ забылъ Моисея? Князь объявляетъ преступными тѣ казни, что совершаются по повелѣнію Ивана: а что дѣлалъ царь Давидъ? Что касается права отъѣзда, или другихъ привилегій, которыя защищаетъ Курбскій, какъ достояніе всѣхъ людей его круга,—то объ этомъ Иванъ благоразумно не говоритъ ни слова. Его вниманія удостоивается лишь одна политическая теорія, которую онъ напоминаетъ Курбскому, подробно формулируя и въ своихъ письмахъ: это—теорія абсолютной власти государя. «...До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить... Жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ также вольны...»

Многу уже было отмѣчено въ политической жизни Москвы XVI вѣка характерное явленіе, къ которому я еще вернусь впоследствии. Я имѣю въ виду нѣкоторое молчаливое соглашеніе, какъ будто заключенное между дѣятелями той эпохи съ цѣлью прикрывать дѣйствительность пріемами чисто показной политики. Порою такая система совершенно спутываетъ событія, лица и роли. Какъ сказано выше, Иванъ IV и Курбскій вступали между собою въ публичный поединокъ. При этомъ оба всячески старались не отступать отъ упомянутой тактики умолчаній; имъ не хотѣлось снимать съ дѣйствительности тѣ покровы, подъ которыми они наносятъ другъ другу самые яростные удары. Между прочимъ, защищаясь противъ массы цитатъ, которыми царь засыпалъ своего противника, Курбскій ссылался на превосходство своего литературнаго образованія. Онъ стыдилъ царя тѣмъ, что тотъ пишетъ, «яко бы неистовыхъ бабъ басни»; онъ упрекалъ его, что онъ шлетъ свои нестройныя посланія въ страну, гдѣ слишкомъ достаточно людей, знающихъ грамматику и риторику, діалектику и философію. Въ этихъ укоризнахъ можно видѣть ясное указаніе на гласный характеръ переписки царя съ Курбскимъ. Но и та, и другая сторона въ своей борьбѣ тщательно избѣгали называть главные предметы спора своими именами.

Мы не знаемъ, когда были отправлены три первыхъ посланія изъ этой переписки. Что касается четвертаго, то Иванъ самъ помѣтилъ его Вольмаромъ, при чемъ, очевидно, оно было написано сейчасъ же послѣ взятія этого города царемъ въ 1577 году. Конечно, царь не преминулъ извлечь изъ этой побѣды аргументъ въ свою пользу. Ему такъ хотѣлось подчеркнуть, что она досталась ему безъ всякой помощи Курбскаго и его друзей! Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Курбскій ссылался на Цицерона; но противникъ его уже безмолвствовалъ. Курбскій плетъ новое посланіе: отвѣта нѣтъ. На сцену явился Батрій: голова царя занята новыми заботами.

У своихъ соотечественниковъ знаменитый противникъ Грознаго нашелъ себѣ одинаково убѣжденныхъ защитниковъ и обвинителей. Повидимому, въ настоящее время первые преобладаютъ въ Россіи. Въ ожиданіи статуи, которая, несомнѣнно, украситъ собою со временемъ какую-нибудь изъ московскихъ площадей, они сооружаютъ литературный памятникъ въ честь этого національнаго героя. Къ числу апологетовъ Курбскаго относятся ученый авторъ «Исторіи русской литературы» (*Пытинъ*, II, 171—2), а также болѣе ранній біографъ князя (*Ш.....скій*, Казань, 1873 года). Для нихъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Курбскій является самымъ выдающимся представителемъ идей, усвоенныхъ русскимъ государствомъ XVI вѣка. Онъ служитъ показателемъ того, сравнительно, высокаго уровня культуры, до котораго могъ подняться русскій человѣкъ XVI столѣтія. Разумѣется, въ оцѣнкѣ этого уровня, нужно помнить, что русское общество жило въ отдаленіи отъ источниковъ западной цивилизаціи; надобно помнить, что оно встрѣчало препятствіе въ своихъ исканіяхъ истины и было подавлено правительственнымъ терроромъ... Какъ воинъ, Курбскій не щадилъ своей крови на защиту отечества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и образованнымъ человѣкомъ, старавшимся расширить сферу тѣхъ познаній, которыми довольствовалось большинство его соотечественниковъ. Далѣе, Курбскій былъ первымъ русскимъ публицистомъ. Наконецъ, онъ являлся первымъ гражданиномъ своего отечества, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, ибо онъ былъ увлеченъ идеей прогресса и смѣло возвышалъ свой голосъ противъ грубаго деспотизма.

Всѣ эти сужденія чрезвычайно лестны для Курбскаго; однако они нуждаются въ критической провѣркѣ. Дѣятельность Курбскаго въ московскомъ государствѣ остается еще далеко не вполне ясною.

Лучше извѣстно намъ все то, что относится къ его пребыванію въ Польшѣ. Здѣсь, вообще, жили болѣе на глазахъ у всѣхъ. То, что знаемъ мы о Курбскомъ въ эту эпоху, отнюдь не говоритъ въ его пользу. Какъ извѣстно, въ своемъ изгнаніи Курбскій былъ обезпеченъ вполне приличными владѣніями и доходами. Какъ господинъ, онъ былъ ненавидимъ своими людьми; какъ сосѣдъ, онъ былъ самымъ неудобнымъ человѣкомъ; наконецъ, какъ подданный, онъ былъ самымъ невыносимымъ и непокорнымъ слугою короля. Пусть онъ переводилъ св. Іоанна Златоуста и возставалъ противъ деспотизма. Наряду съ этимъ, онъ позволялъ себѣ самому или своимъ людямъ не менѣе чудовищныя злоупотребленія властью, чѣмъ тѣ, въ какихъ повиненъ былъ Иванъ. Такъ, напримѣръ, онъ сажалъ евреевъ въ темницы, наполненныя водой съ пивками. Онъ вздорилъ рѣшительно со всѣми, не исключая самаго короля, который однакоже совсѣмъ не былъ тираномъ. Онъ постоянно пртивился всякой власти,—даже тогда, когда ему приходилось платить налоги или производить воинскіе сборы въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Словомъ, Курбскій возстановлялъ противъ себя положительно всѣхъ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться.

Какой же социальный элементъ представляетъ своей личностью князь Андрей Михайловичъ Курбскій? Онъ воплощаетъ собою ту групу московскихъ людей, съ которыми пришлось бороться Ивану. Правда, эти люди были доступны извѣстнымъ культурнымъ вліяніямъ; правда, имъ свойственны были нѣкоторыя стремленія къ свободѣ. Но и то, и другое они понимали въ самомъ узкомъ смыслѣ, приспособляя эти блага къ эгоистическимъ интересамъ касты, или сословія привилегированныхъ. Нѣкоторые пытались отрицать, что Курбскій примыкалъ къ боярству упорно защищавшему свои устарѣлыя привилегіи. Но развѣ самъ Курбскій не заявлялъ своихъ правъ на Ярославское княжество? Ссылались на бѣдность Курбскаго; но въ такомъ случаѣ, переходя въ Польшу, онъ являлся самымъ низменнымъ и корыстолюбивымъ карьеристомъ. Вѣдь мы знаемъ, что польскій король предоставилъ ему Кревскую старостію, десять сель съ четырьмя тысячами десятинъ земли въ Литвѣ, городъ Ковель съ замкомъ и двадцать восемь селеній въ Волини... Словомъ, Курбскій получилъ хорошій кушъ. Да, наконецъ, если онъ былъ и бѣденъ, то онъ самымъ недостойнымъ образомъ обманулъ Сигизмунда Августа. Награждая Курбскаго, король думалъ, что только возмѣщаетъ

ему потери, понесенныя вслѣдствіе бѣгства съ родины. Объ этомъ ясно говорятъ тѣ грамоты, которыми Сигизмундъ Августъ жаловалъ Курбскому указанныя богатства.

Мы видѣли, что получилъ Курбскій въ своемъ новомъ отечествѣ. Пусть даже, оставаясь въ Московскомъ государствѣ, онъ не мечталъ вернуть себѣ владѣнія своихъ предковъ. Характерно, однако, что нѣсколько позже, вступая на тронъ, одинъ изъ равноправныхъ Курбскому князей,—Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ разъ, ссылаясь на свои родовыя права. Но, положимъ, что опальный вельможа Ивана IV-го лишь стремился защитить противъ посягательствъ государственной власти и расширить на ея счетъ иныя свои наследственныя права. Мы разумѣемъ право участія въ совѣтѣ царя и подачи голоса при обсужденіи государственныхъ дѣлъ; сюда же относилось право служить государю лишь въ той мѣрѣ, въ какой это угодно боярину. Такимъ образомъ, при всемъ своемъ сочувствіи къ прогрессу, Курбскій являлся политически отсталымъ человѣкомъ: онъ защищалъ тѣ начала, которыя были завѣщаны слишкомъ глубокой стариной. Несомнѣнно, у него были свои политическіе идеалы; но въ нихъ—самъ, быть можетъ, того не замѣчая, онъ сходилъ съ Польшей, которая его пріютила, и которую онъ ненавидѣлъ и презиралъ, несмотря на то, что ѣлъ ея хлѣбъ. Однако, эти идеалы оказывались анархическими даже на своей родинѣ,—въ Польшѣ; они были, несомнѣнно, опасны и даже гибельны. Перенести ихъ на московскую почву было совершенно невозможно; здѣсь они сталкивались съ чуждыми понятіями и нравами. Благодаря этому, они превращались въ чистое отрицаніе государства, выражаясь въ отказѣ отъ службы, въ бѣгствѣ за границу или въ предательствѣ родины. Напрасно Курбскій старался представить своего коронованнаго противника гонителемъ угнетенной невинности; народное творчество приписало Ивану совсѣмъ иную роль: онъ былъ и остается донинѣ государемъ, который искоренялъ крамолу изъ русской земли... Вотъ что понималъ народъ въ той великой исторической драмѣ, гдѣ ему самому пришлось играть роль античнаго хора. Впрочемъ, этого мало: онъ зналъ, что преслѣдуя и истребляя бояръ, царь защищаетъ убогихъ и немощныхъ.

Разумѣется, эта послѣдняя легенда требуетъ объясненій. Но судьба Курбскаго можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ нашему вопросу. Большинство историковъ Ивана IV не хотѣло допустить и мысли, что на сторонѣ этого тирана былъ самъ русскій народъ.

Дѣйствительно, что дѣлалъ Иванъ для массы тогдашняго крестьянства? Еще незадолго до него эти люди были свободными землевладѣльцами; но теперь они оказались уже наполовину рабами. А впереди—ихъ ожидала уже окончательная утрата вольности... Согбенные надъ своей сохой, прикованные къ жалкому клочку земли, они выносили при Иванѣ еще болѣе тяжкое бремя, нежели раньше. Государство все болѣе и болѣе безпощадно эксплуатировало эту массу въ соотвѣтствіи съ непрерывно-растущими своими потребностями. Все это совершенно вѣрно, но фактъ остается фактомъ. Тотъ самый народъ рабовъ, нищету и кабалу котораго увеличивалъ Иванъ IV, воспѣвалъ, превозносилъ, обожалъ своего Грознаго царя. Очевидно, когда страданія становятся невыносимыми, всякая переменѣ кажется благодѣянiемъ,—пусть даже она ухудшаетъ положеніе. Въ 1582 году крестьяне одной изъ областей польскихъ, предоставленныхъ Курбскому, открыто заявили жалобу на своего новаго господина. Конечно, они знали и другихъ господъ, у которыхъ имъ тоже жилось не сладко; но съ Курбскимъ они никакъ не могли примириться. Жалоба крестьянъ была признана справедливой. Но это было въ Польшѣ. Легко себѣ представить, какъ пользовался своей властью тотъ же Курбскій, когда жилъ еще на родинѣ и распоряжался судьбою бѣдныхъ мужиковъ въ своихъ родовыхъ вотчинахъ! А, вѣдь, такихъ Курбскихъ были цѣлыя тысячи! И, вѣдь, князь Андрей Михайловичъ былъ еще либераломъ и передовымъ человекомъ! Вотъ на этой-то ненависти народа къ притѣснителямъ - боярамъ и строилась популярность Ивана среди угнетенныхъ массъ.

Курбскій скончался въ Ковелѣ въ маѣ въ 1583 году. Его семья успѣла уже принять католичество въ Польшѣ; вернувшись на родину, она вновь обратилась къ православію и вымерла къ 1771 году. Несомнѣнно, въ великой борьбѣ между старымъ и новымъ порядкомъ, Курбскій былъ самымъ блестящимъ защитникомъ прошлаго. Однако, нельзя признать его ни героемъ, ни мученикомъ. Не безъ расчета старался я познакомить съ нимъ моихъ читателей, прежде чѣмъ ввести ихъ въ самый центръ битвы, ближе къ кровавымъ кошмарамъ опричнины. Я хотѣлъ показать такимъ образомъ, съ какими противниками пришлось мѣрять свои силы Ивану *).

*) Относительно біографическихъ данныхъ, касающихся Сильвестра и Адашева, см. арх. *Леонидъ* (Голохвастовъ), *Благовѣщен-*

скій іерей Сильвестръ, Чтенія О-ва исторіи и древ. Рос., 1874; ср. разборъ этого труда въ статьѣ *Замысловскаго* въ Сборникѣ политическихъ Знаній, 1875, II; *Ждановъ*, матеріалы для исторіи Стоглавнаго собора, Ж. М. Н. Пр., 1876 №№ 7 8. Нѣкоторыя подробности см. у *Сергѣевича*, Русскія юридич. древн., II, 367 сл. Документальныя данныя содержатся въ Львовской лѣтописи и въ Царственной Книгѣ. Біографическія данныя относительно Ивашки Пересвѣтова можно найти въ брошюрѣ *М. И. Соколова*, Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности... Моск. Археологическаго О-ва, 1902. — О Курбскомъ: *Ясинскій*, Сочиненія кн. Курбскаго, СПБ., 1889; *Курбскій*, Сочиненія изд. Устрялова СПБ., 1868; *Горскій*, Жизнь и историческое значеніе кн. А. М. Курбскаго, Казань, 1858; *Опоковъ*, Кн. А. М. Курбскій, Кіевъ, 1872; *Иваничевъ*, Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ, Кіевъ, 1849; *Кавелинъ*, Записки по Рус. исторіи—въ Вѣстникѣ Европы, 1866; ср. ст. *Арцыбашева*, въ томъ же журналѣ за 1821 годъ; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VI. — Документальныя данныя у Bielski, Kronika polska, XVII; ср. Strijkowski, Zbiór dziejopisów, 1766, II; ср. данныя Nyenstaedt, Russov; лѣт. Алекс. Невскаго, О правѣ отъѣзда, см. *Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей, СПБ., 1889; *Сергѣевичъ* — въ Наблюдателѣ, 1887, № 3.
